

«Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш. ... Возвещайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сделано удовлетворение, ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои».

(Ис. 40: 1-2)

«Народ - венец земного цвета
Краса и радость всем цветам:
Не миновать Господня лета
Благоприятного - и нам».

А. Блок.

ЖИВОЕ СЛОВО

Николай Никонов

Соловьи

На окраинах большого города еще можно найти улицы, напоминающие деревню. Они широки, тихи и чисты. Короткая трава растет здесь в сухих неторных колеях, одуванчики густо глядят из тощего глинистого дерна возле телеграфных столбов. Здесь еще увидишь протертые до земли дощатые тротуары, кисти рябины над ветхими заборами, расписные ставни и самодельные голубятни с дремлющими на шестах нахохленными голубями. Начинаящие художники любят забираться сюда, чтобы, сидя с важным видом где-нибудь в тени, малевать живописный домишко, над которым распростер свои серые сучья столетний тополь. Кучка мальчуганов обыкновенно стоит позади художника, и не мигая, с благоговейным сопением следит за «дяденькиной» работой.

Такой до недавнего времени была окраинная Луговая улица, где жил знакомый мне сапожник Алексей Семеныч Шишмарев. Невысокий, сутулый, жилистый, с желтым востроносным лицом и бородкой мочального цвета — он являл собою тип забубенного мастерового. Множество было таких — столяров, печников, каменщиков.

А глаза у Шишмарева голубые, не тусклые, не пьяненькие, не обезличенные старостью — они смотре-

ли тепло, умно, весело, как у тех крепких, не поддающихся времени русских стариков, возраст которых определить необычайно трудно.

Ходил он всегда в одной одежде: потертом пиджаке, серой косоворотке, таких же портках, прикрытых спереди рыжим кожаным запоном, и в извечных латаных сапогах.

Сапогам этим, по всем приметам, шептатый десяток, но сшить себе новые Шишмарев не трудился. Все как-то руки не доходило. Почти так же относился он и к прочей одежде.

— Куда мне ее? Было бы чисто. Обновленная одежда не жмет, не давит. Мне ведь не под венец итти, да и, сам знаешь, хвалят на девке шелк, коли в девке толк, — балагурил он по этому поводу.

Жил он одиноко. Старуха давно умерла, сыновья разъехались, дочери вышли замуж. Получал пенсию да изредка прирабатывал — делал набойки или шил на заказ. На последнее соглашался редко, но уж если шил — сапоги выходили из его корявых, просмоленных варом и гратвой рук самые генеральские. Точеные, с легким приятным «скрыпом». Такие сапоги хочется и погладить, и понюхать, и шелкнуть по гладкой твердой подошве. Крепко пахнут они новой кожей, и ходить в них легко и крепко, и словно бы мужества в тебе от этих сапог прибавляется. Словом, праздничные сапоги.

От заказчиков Семенычу не было отбоя. Слава мастера стояла высоко. Но не только ловким сапогом был он знаменит. Слыл Шишмарев страстным птицеловом и отменным знатоком певчих птиц на всю округу.

В двух его низеньких, беленных известкой комнатках по стенам висели клетки, садки и садочки с жаворонками, реполовами, чижками, губровниками и разными другими птицами. Особенно выделялись соловьи. Они сидели в лучших буковых клетках. Рыжеватые, тонкие, глаза-

стые, птицы сразу замечались своим диким лесным обликом, выгодно отличавшим их от привычных щеглов и снегирей.

Старик любил соловьев какой-то страстной любовью, ухаживал за ними с особенной старательностью. Даже тараканов за печью развел, чтобы угодить черноглазым неженкам.

И соловьи у него были знаменитые. Ночные и «дневники», «проголосные», «с дешевой гудкой», «с ударом». Всех особенностей не перечислишь. Наобно знать множество названий специальных колен, скидок, раскатов и оттолчек соловьиной песни, а они известны только немногим посвященным.

Обычно по субботам, когда кончалась рабочая неделя, и голова особенно уставала от заводского гама, лязга, воя станков и бабаханья прессов, я любил завернуть к Семенычу, посидеть, поговорить, а то и распить бутылку, хоть пьянцами ни он, ни я, по совести говоря, никогда не были.

Часто у Семеныча собиралось целое общество завязатых птицеловов и любителей высокого класса. Таких на весь наш большой город насчитывалось человек до десяти, и каждый знал не только своих птиц, но и птиц товарищей. Компания собиралась самая разношерстная. Был тут стекольщик, режиссер из оперы, сторож с кирпичного завода, химик — кандидат наук, двое сталеваров и один учитель.

Приходя к Семенычу, первым делом все мы шли на кухню, где висели у него особые матерчатые клеточки-кутейки. В них «выдерживались» птицы свежепойманные, еще не привыкшие к клетке.

И почти всегда Шишмарев, тихонько улыбаясь в мочальную бородку, показывал какую-нибудь диковинку: подслеповатую птичку-пищуху, крошечного королька с оранжевой полоской на темени и темными удивленными глазами, черноголовую славку — очень редкую в наших местах — или веселую синицу-гренадерку с остроконечным пепельным хохолком на бойкой головке...

А потом мы пили чай или балагурили о том о сем. В центре внимания был Семеныч. Постукивая молотком, сладко затягиваясь махорочной цигаркой, он неспешно, обстоятельно повествовал, как ловил зябликов, ходил на лазоревых синиц, где водится какая птица, как выдерживать свежепойманных зроздов. Тут же составлялись всевозможные птицеловные планы, обсуждалось достоинство снастей, — мало ли каких разговоров не ведут меж собой любители. Бывает, в сотый раз толкуют об уже известном и все-таки с удовольствием, ибо рассказ навеивает дорогие воспоминания о днях, проведенных в лесу и в поле.

— Почему ты, Семеныч, соловьев на зиму не оставляешь? — часто спрашивали мы, зная за сапожником такую странность.

— Да уж так... Не к чему... Негосуг с емя валандаться. Опять же и птица-то нежная, муравьиного яйца ей подай, муч-

ного червя... — уклончиво отвечал он и переводил разговор на другую тему.

Мне было известно, что выдержать соловья круглый год дело нелегкое, но такому мастеру оно было вполне по силе. И муравьиные яйца Шишмарев пугами запасал, и подолгу жили у него пеночки, камышевки и долгохвостые синички, держать которых было не в пример труднее. Однако старик упорно отмалчивался, а каждый год, в августе, выпускал своих знаменитых певцов, за которыми по неделям самоотверженно бродил весной в непролазных чащах Сухореченского болота.

«Чугит просто», — раздумывал я.

Он соловьев и не продавал никому. Спросишь — испугается даже:

— Что ты, Господь с тобой! Для себя ловил... А деньги? На что мне деньги. Вот руки пока есть — они лучше денег... Соловушка мне друг. А друга кто продаст? То-то вот...

Я умолкал.

Но в конце концов или Семенычу неудобно стало отказывать, или просьбы мои ему слышком надоели, — он согласился.

— Хошь соловья подержать? Айда! Я тебя на ловлю свожу, — сказал он как-то между прочим. — Только рано надо итти. До свету. Место не близкое, а соловья ловить надо по заре, пока он не насбирался. Оно, конечно, и днем поймать немудрено, да все-таки на свету лучше, способнее. А ведь не захочется тебе в экую рань подыматься, — добавил Семеныч, испытующе глядя на меня, по-старчески беззвучно шевеля губами.

Я поспешил уверить, что приду в субботу с ночевой, и стал прощаться, опасаясь, как бы старик не изменил своего неожиданного решения. Семеныч на ловлю никого не брал. По лесу бродил всегда один. И разве только лешему было известно, где находились его тока. На все расспросы Шишмарев отвечал, что ловить ходит на Зеленый остров, и лукаво ухмылялся при этом. Но каждому мало-мальски знающему птицелову было известно, что на Зеленом острове даже чечеток мудрено поймать.

— Ну, помни своих, не забывай наших, значит, — ворчал Семеныч, провожая меня до ворот.

(Продолжение следует)

